

СОКРОВИЩА
ВАЛЬКИРИИ

**Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»**

**представляет
лучшие романы Сергея Алексеева**

СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Стоящий у солнца
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Страга Севера
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Земля сияющей власти
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Звездные раны
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Хранитель силы
СОКРОВИЩА ВАЛЬКИРИИ. Птичий путь

* * *

Волчья хватка
Волчья хватка — 2

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ЗЕМЛЯ СИЯЮЩЕЙ
ВЛАСТИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А47

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление — дизайн-студия «Графит»
Художник — Андрей Липаев

Алексеев, Сергей Трофимович.

А47 Сокровища Валькирии. Земля Сияющей Власти : [роман] / Сергей Алексеев. — Москва : Издательство АСТ, 2016 — 414, [2] с.

ISBN 978-5-17-087918-2

Земля Сияющей Власти опутана колючей проволокой и заминирована — там, на Балканах, идут бои. Обычная — на первый взгляд — гора Сатва отмечена на картах миротворцев ООН как секретная «зона 0019». На склонах горы творятся чудеса: американские морпехи, крутые парни, побывавшие не в одном сражении, видят «ангелов», бросают оружие и бегут собирать цветы. К горе Сатве лежит Путь полковника Арчеладзе, бывшего начальника спецотдела МБ, а ныне вольного стрелка. Он вместе со своей командой объявил личную войну тем, у кого на службе состоит «легион кожаных плащей»...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087918-2

© С. Алексеев
© ООО «Издательство АСТ», 2016

1

Над непокрытой пегой головой старца, на крепкой руке с плетью, распустив крыла, восседал филин, и огненный птичий взор был глубок и бесконечен, как вечность...

Спички выпали из рук Мамонта, коробок, будто камешек, ушел в рыхлый снег. Инга ликовала, совершенно забыв, что стоит босая.

— Смотри! Человек! Это человек!

— Атенон, — выдохнул Мамонт. — Великий Гой...

— Что? Что ты говоришь? — Она трясла его за руку. — Ты знаешь его? Ты знаешь этого человека?

Владыка Святых Гор приближался медленно, освещая себе путь в голубеющих сумеречных снегах. Кажется, время остановилось, а вместе с ним беспорядочный и бесконечный ток мысли. И все, что мгновение назад казалось важным — жажда тепла, огня, жизни, вдруг потеряло всяческий смысл. А Инга чего-то испугалась и, прячась за спину Мамонта, зашептала срывающимся, хриплым от простуды голосом:

— Он — добрый? Он не сделает зла? Мне страшно, слышишь? Страшно.

— Не бойся, — вымолвил он. — Это Святогор, прикосновение к вечности... Видишь, птица над головой?

— Где — птица? Какая птица?..

— Филин! На руке... Знак высшего разума и власти. И свеча!

— Не вижу... свечи! — Инга дрожала. — И птицы не вижу...

— Потому что ты слепая! Открой глаза!
— Мамонт!.. Это же тень, какая-то фигура...
Он шагнул навстречу Атенону, воздел руки.
— Ура! Я Странник!

Владыка остановился, отвел свечу от лица. Оставалось не больше десятка метров, ясно различался зеленоватый огонь птичьих глаз, свисающие крылья, изморозь на пегой бороде...

— Это же... не человек, Мамонт! — в страхе зашептала Инга, цепляясь за одежду. — Зверь... Чудовище!

Атенон вдруг развернулся и направился в гору, будто предлагая тем самым следовать за ним. Мамонт пошел, однако спутница ухватила руку, рванула назад.

— Не ходи! Прошу тебя!

Он попытался стряхнуть ее и, когда не получилось, чуть ли не волоком потащил за собой по снегу. Инга выпустила руку, но не сдалась, забежала вперед и кошкой прыгнула ему навстречу, ударив головой в лицо.

— Стой! — внезапно прорезался и зазвенел ее голос. — Не пущу!

Мамонт не почувствовал боли, однако ощутил горячую кровь, хлынувшую из разбитого носа. Свет в руке Атенона померк. Он обернулся, поджидая Странника, и внезапно обратился в косматое чудовище с пылающим взором круглых птичьих глаз. Заиндевелая на холоде шерсть покрывала его с головы до ног...

— Мамонт, миленький, не ходи! — уже молила Инга, повиснув на шее.

Преображение было настолько внезапным, что образ Владыки Святых Гор еще стоял перед глазами, сдваиваясь с человекообразным существом. Мамонт взял горсть снега, утер лицо, размазывая кровь. Сознание медленно возвращало его в реальность, отзываясь в затылке похмельной головной болью. Он просунул руку под фуфайку, непослушными, скрюченными пальцами нащупал пистолет. Снежный человек слегка присел и вроде бы оскалился.

— Зямщиц! — позвал Мамонт. — Почему ты ходишь за мной?

Он был не уверен, что это существо — тот самый несчастный Зямщиц, выпущенный Дарой

на Алтае. Этот был на голову выше и шире в плечах. Услышав голос, он сделал мягкий скачок вперед, словно пугая странников, и, помедлив, пошел вокруг них. Мамонт отвел рукой Ингу и взвел курок.

— Уходи!

Выстрел треснул негромко, но откликнулся в горах раскатистым, звучным эхом.

Он не боялся выстрелов, поскольку так же мягко присел, сунул руку в снег и поднял камень размером с человеческую голову.

— Не стреляй, — вдруг попросила Инга и шагнула вперед. — Что тебе нужно? Кто ты?.. Мы не хотим тебе зла, уходи от нас.

Мамонт держал его голову под прицелом, любое движение рукой с камнем — и разнес бы ему череп; с десяти метров не промахнешься.

Снежный человек попятился, однако не выпустил бульжника.

— Иди, ну иди же! — поторапливала Инга, медленно наступая. — И больше не приходи к нам, если не хочешь сказать, что тебе нужно.

Когда между ними осталось метра четыре, мохнатый скиталец медленно развернулся и подался в гору, безбоязненно подставляя широкую спину под выстрел. По пути выбросил камень и оглянулся, неприятно блеснув своим нечеловеческим взором. Несколько минут его высокая фигура маячила на фоне белеющего снега, пока не растворилась среди темных пятен высоких камней.

— А я замерзаю, — вдруг просто сказала Инга и села в сугроб.

Она сама была как снежный человек, бояся, и снег уже не таял на ее ступнях. Мамонт расстегнул фуфайку, поднял свитер и просунул ее ноги к себе под мышки. Будто положил два ледяных камня...

— Ничего, — пробормотал он сквозь зубы. — Сейчас согрею...

Согнув ее пополам, он подхватил Ингу с земли и понес к куче заготовленных и уложенных для костра дров.

— Ноги не чувствуют тепла, — сказала она. — И кажется, ты ледяной.

— У тебя есть спички? — безнадежно спросил Мамонт. — Я где-то уронил коробок...

— Спички давно кончились, — со вздохом проговорила Инга. — Я поддерживала огонь...

Не выпуская ее из рук — под мышками уже ломило от холода, — он встал на колени и принялся ощупывать снег возле дров: где-то здесь выпали спички... Впрочем, минутное затмение разума напрочь отключило сознание, и свет от свечи, рожденный воображением, спасительный и вожделенный, грел в этот миг жарче всякого костра. Он перелопачивал снег до тех пор, пока тот не перестал таять на руках.

— Говорят, смерть от холода приятна, — сообщила Инга. — Надо только обняться покрепче и закрыть глаза...

— Прекрати! — Он ударил ее по лицу деревянной ладонью — голова мотнулась. — Ни слова о смерти!

— Нас найдут весной, когда растает снег, — продолжала она. — Если это чудовище не съест или звери...

— Язык отрежу! — рывкнул он, наливаясь злобой. — Где спички?! Где я уронил спички?!

— Не знаю... Не заметила.

Мамонт сунул пальцы в рот, пытаясь отогреть и вернуть им чувствительность. Снег вокруг кучи дров был уже истоптан ногами и коленями, перемешан; искать сейчас маленький коробок — все равно что искать иголку в сене. Если бы еще не ноша, висящая на груди и ледяными ногами холодящая легкие и сердце!..

— Найду! Сейчас! — стервенея от злости, процедил он и вскочил на ноги. — Только нужно согреться!

Около получаса, увязая в снегу и радуясь сопротивлению пространства, Мамонт бегал по открытому месту — в гору и с горы, пока его не пробил пот. Волосы на голове смерзлись, и из-под них, как из-под шапки, бежали горячие капли. Но Инга продолжала замерзать, ноги по-прежнему оставались холодными и неподвижными.

— Все! — крикнул Мамонт и швырнул ее в сугроб. — Будешь выживать сама!

Он растер ее ступни ладонями, затем скинул разогретые сапоги — поочередно, чтобы сохра-

нить тепло, — намотал на каменные серые ноги портянки и натянул обувь, как на манекен. Поднял с земли, поставил, толкнул под гору.

— Бегом!

Инга сделала пару неуверенных шагов, рухнула лицом в снег.

— Встать! — Мамонт выхватил из кучи дров палку. — Встать, сказал!

Она приподнялась на руках и вдруг улыбнулась, с растрескавшихся губ засочилась кровь.

— Мне уже хорошо, тепло...

Мамонт ударил ее раз, другой — Инга только улыбалась, не чувствовала боли. Тогда он снова поставил ее на ноги и потянул за собой. Спутница едва перебирала ногами, каждую секунду готовая упасть в снег и увлечь за собой Мамонта. Он втащил ее в гору проторенным следом, а с горы потянул целиной.

— Бегом! Носом дышать!

От напряжения лицо ее еще больше посерело, вытянулось, нос заострился. Первый круг не разогрел ее, но вернул к ощущению реальности; Инга стала чувствовать боль, дыхание сделалось стонущим и хриплым. На втором круге, когда бежали с горы, Мамонт понял, что у самого отмерзают ноги в одних тонких носках, пальцы стали деревянными.

— Ну, жить хочешь? — спросил он, встряхивая Ингу за плечи.

— Хочу, — пролепетала она. — Только ноги...

— Болят?

— Нет, не болят...

— Это плохо! Плохо! Должны болеть! Бегом!

Нарезая этот круг по целинному снегу, он уклонился вправо и, увлеченный бегом с горы, не заметил, как миновал кучу дров, углубившись в лес. Снегу здесь было мало, по щиколотку, а спуск довольно крутой. Бежали, пока дорогу не перегородила упавшая старая сосна, зависшая кроной на других деревьях и напоминающая шлагбаум. Мамонт перевел дух. Пока не остыли пальцы, следовало разуть Ингу и теперь самому спасти ноги.

Он усадил ее на валежину, взялся за сапог, но она неожиданно толкнула его.

— Не отдам!

Хотела жить! Мамонт схватил ее за обе ноги.

— Молчать! У меня тоже отмерзают пальцы!

— Я девушка! — внезапно вспомнила она и осеклась.

— Ты не девушка! — прорычал он. — Ты странница!

Мы оба с тобой!..

Она стала бить его кулачками по голове и лицу, сквозь хрип воспаленного дыхания слышались слезы.

— Как ты можешь?.. У меня только начали согреваться ноги!..

— Читай стихи! — крикнул Мамонт. — Ты же писала стихи? Читай!

— При чем здесь стихи?!

— При том, что ты теряешь рассудок!

Инга резко перестала сопротивляться, и чтобы не упасть с валежины, пока он стаскивает сапоги, вцепилась в его заиндеветшие волосы. Мамонт ощупал ее ступни — все еще лед... И портянки холодные. Он надел один сапог, взялся за другой, и тут Инга неожиданно выпустила его волосы, сказала со знакомым затаенным страхом:

— Смотри! Там есть жизнь? Или нет?

Она указывала куда-то под колодину.

— Что там?

— Смотри! Если идет пар, значит, там есть тепло. Разность температур...

Из-под валежины, на которой сидела Инга, в двух метрах от нее действительно курил слабый парок, чуть больше, чем от чашки с горячим чаем.

— Что, если здесь — выход? Который мы ищем...

В голове блеснула молния! Точно! Вход в пещеру начинался возле склоненного дерева! Правда, были еще приметные камни, которых здесь почему-то нет, и, кажется, не было вокруг такого густого леса... Но сейчас зима, изменилась обстановка, да и совсем иная, хотя и сходная ситуация: тогда на руках был раненый Страга, Виталий Раздвогин. Как ни старайся запомнить детали, их заслонят в памяти более значимые обстоя-

тельства.

Так и оставшись в одном сапоге, Мамонт осторожно, на четвереньках, подобрался к курящейся отдушине, поймал парок ладонью, ощупал мшистый и заиндевельный бок упавшей сосны, затем опустил руку в чернеющий круг, напоминающий нору суслика. И вдруг ощутил знакомый мерзкий запах зверя, спутать который невозможно ни с чем.

— Это берлога, — одними губами сказал он Инге. — Медвежья берлога.

И будто в ответ на его шепот из недр земли послышалось глухое и грозное ворчание.

— Бежим отсюда! — выдохнула Инга. — Скорее!..

— Нет! — вдруг засмеялся он и достал пистолет. — Отойди подальше!

— Зачем? Не надо!..

— Пошла вон! — рывкнул он и как мешок перевалил ее за колодину.

А глухой рев на одной ноте только нарастал и готов был взорваться в любую секунду. Мамонт отломил сук от валежины, но сунуть в отдушину не успел — снег на том месте вдруг вздыбился, и в метре от ног появилась пегая, огромная голова. Одновременно громогласный устрашающий рык заполнил заледенелое пространство.

Мамонт стрелял в упор. Бил в широкий лоб, а думал, что надо бы в ухо. Пистолет дернулся в руке последний раз, и затворная рама осталась в заднем положении. Вспышки огня перед глазами ослепили его, оранжевые пятна плясали на снегу, и он, почти незрячий, лихорадочно искал в карманах запасную обойму, на всякий случай отскочив за валежину.

— Ты убил его! — то ли осуждала, то ли комментировала Инга, дергая за полу фуфайки. — Ты убил! Убил!

Обойма нашлась в нагрудном кармане куртки. И пятно наконец сморгнулось: у колодины зияла черная дыра, курился обильный пар, словно из полыньи, и доносился низкий, почти человеческий стон. Мамонт зарядил пистолет и выстрелил еще дважды, ориентируясь на звук.

— Зачем ты убил его? — спросила Инга, и он наконец разобрался в интонации — осуждала...

— Сейчас узнаешь, — бросил он и подобрался к отдушине.

Там, внизу, стало тихо, разве что доносился шорох, будто осыпался поток песка. И все-таки соваться в непроглядный мрак было опасно и боязно до внутренней дрожи. Мамонт достал нож, откинул лезвие и с пистолетом на изготовку полез вниз головой. И именно в этот миг вспомнился ему один из членов экспедиции Пилицина, которого подрал медведь, зимовавший в гроте. Тьма и неизвестность впереди напоминали открытый космос, и никакая психологическая подготовка не сняла бы врожденного, генетического страха перед мертвой пустотой. Лаз оказался тесным только в устье, далее ход значительно расширился и круто уходил вниз. Тормозя грудью и плечами, Мамонт скрылся под землей с ногами, и лишь тогда рука с ножом наткнулась на твердь...

Ощупал пространство — медведя не было! Сверху его звала Инга, что-то спрашивала, и он мысленно зло посылал ее к черту. Протащившись метр вперед, он с трудом встал на четвереньки и ткнулся головой во что-то мягкое, источающее влажное тепло. Должно быть, мертвый зверь скатился в самый дальний угол берлоги, довольно глубокой, но узкой — все-таки это был грот, естественная полость, давно облюбованная медведем: под коленями чувствовался мощный пласт травяного настила. Сначала Мамонт ощупал добычу, убедился, что зверь без всяких признаков жизни, и только после того спрятал пистолет. Теперь медведя следовало перевернуть с живота на спину, а сделать это в тесноте оказалось трудно, к тому же туша весила килограммов под триста. Кое-как Мамонт уложил его на бок и ощутил резкую слабость, обычную после пережитого стресса, вытер вспотевший лоб. В берлоге было душно, не хватало кислорода, хотя к воню он уже привык и не замечал тошнотворности запаха.

— Спускайся сюда! — крикнул он в зияющую пустоту лаза. — Быстро!

Сверху не донеслось ни звука. Он пополз к свету, упираясь ногами в стенки, высунул голову, совсем как медведь. Инга убежала вниз по

склону, хватаясь за деревья, чтобы сохранить равновесие. Мамонт догнал ее, схватил за шиворот и, не обращая внимания на сопротивление и злое пыхтение, потащил назад, к берлогу. Откуда и силы взялись... Возле лаза он опрокинул ее и, как куклу, сунул головой в черную отдушину.

— Не хочу! — захрипела она. — Ты убийца! Зачем ты убил?

От ее протеста отдавало сумасшествием: в момент сильного эмоционального переживания в ней обострилось то, что было самым слабым в ее психике — болезненное отношение ко всякой смерти.

— Это зверь, — попытался отвлечь ее от навязчивых мыслей Мамонт. — А мы с тобой — охотники, понимаешь? Так устроено в мире: человек всегда охотник, в том числе и за диким зверем.

— Он — беззащитный! — хотела крикнуть, но прошипела она.

— Нет, это мы сейчас беззащитные! Потому что не звери, а люди, и нам не выжить без добычи. Мы умрем на морозе, а этот медведь — никогда.

— Это нечестно! — В ней еще бродил и не сдавался обостренный стрессом юношеский максимализм.

— А я сказал — честно! — прорычал он в лицо. — Это был честный поединок.

Она не сломалась, но замолчала, выбившись из сил и не способная уже ко всякому сопротивлению.

— Помогай мне! — приказал Мамонт. — Зверя нужно перевернуть на спину.

— Зачем?..

— Не твое дело! Помогай!

Окрики на нее еще действовали. Он снова ухватился за лапу, задрал ее вверх и стал рывками, по сантиметру, оттягивать зверя от стены, таким образом опрокидывая тушу на хребет. Инга тоже что-то делала, пыхтела рядом, и они часто стучались головами и встречались руками. Когда медведь наконец оказался на спине, Мамонт достал нож.

— Раздевайся!

— Как? — опять испугалась она. — Зачем?

— Не задавай дурацких вопросов! — Он всадил нож в брюхо зверя и стал вспарывать шкуру.

— Я не буду раздеваться! Не хочу!

— Тогда это сделаю я! — проревел Мамонт. — Живо раздевайся! Догола!

— Я замерзну! — слабо воспротивилась она. — Не понимаю, что ты хочешь...

— Ты хочешь жить? Если хочешь, выполняй, что я требую.

Инга замолчала, зашуршала курткой. Мамонт вспомнил зверю брюхо от грудной клетки до таза, на ощупь располосовал диафрагму, пахло теплом...

— Готова? Ну?!

— Нет еще...

Он спрятал нож, перебрался через тушу и стал сдирать с Инги одежду. Вытряхнул, выпростал ее из свитеров, штанов и нижнего белья, затем подхватил поперек и стал заталкивать в горячее медвежье чрево.

— Что?.. Что ты делаешь? — бормотала она. — Что ты со мной делаешь?..

Мамонт упрятал ее в тушу почти с головой, ногами в грудную клетку, стянул разрез на медвежьем брюхе, будто запахнул спальный мешок.

— Лежи, — сказал примирительно. — И постарайся уснуть. Считай, что ты — в материнском чреве. Придет утро, и ты родишься во второй раз. А человек всегда рождается в крови и муках. Так что лежи спокойно. Сейчас тебе станет тепло и хорошо. Потому что нет ничего спасительнее материнского тепла...

Инга не отзывалась. Мамонт ощупью нашел ее лицо, послушал дыхание — спутница уже спала.

Он не обманывал, когда говорил о чудодейственности не просто биологического тепла, а материнского, особого тепла, поскольку добытый зверь оказался медведицей, и два вырезанных из чрева медвежонка вместе с маткой лежали сейчас в углу берлоги. Прежде чем угнездиться самому рядом с тушей, он взял их, вытащил вверх и забросил подальше в снег...

14 Во сне она стонала и плакала от боли — отходили обмороженные ноги. И он скрипел зу-

бами, ощущая ту же боль, разламывающую пальцы, но ни разу не проснулся до конца, чтобы ощутить явь. Наконец, вырвавшись из тяжелой дремоты, он обнаружил, что на улице день и отраженный от снега яркий солнечный свет достает до глубин медвежьей норы, так что можно различить свои руки.

Инга еще спала, и лицо ее смутно белело на черной шкуре. Мамонт густо смазал обмороженные и распухшие пальцы медвежьим жиром, намотал портянки и, пересиливая боль, загнал ноги в сапоги. Пока спутница не проснулась, следовало сходить и поискать спички: в мерзлом снегу они не могли размокнуть. Однако едва он сунулся в лаз, как Инга окликнула громким, шипящим шепотом — потеряла голос:

— Мамонт? Мамонт!.. Где я?

— Ничего не бойся. — Он потрогал ее лицо. — Я сейчас пойду искать спички. Потом разведу костер и приму роды.

— Какие роды?

Она заспала все, что было вчера, и это разгрузило ее психику. Сейчас ей можно было рассказывать сказки...

— Тебя проглотил медведь. И когда у нас появится огонь, я достану тебя из брюха. Помнишь сказку про Красную Шапочку?..

— Нет, правда, где я? Наконец я согрелась, первый раз, даже тела не чувствую... Только ноги ноют.

— Говорю же, в медвежьем брюхе.

— Зачем ты обманываешь?.. Я уже не верю в сказки.

— А жаль... В таком случае лежи и не шевелись. Береги тепло, скоро его не будет.

Он выбрался наружу и несколько минут не мог смотреть — резало глаза от сверкающего солнца и зернистого снега. Мороз давил градусов под тридцать, заиндевевшие деревья стояли неподвижно, будто соляные разводы в Зале Мертвых. Мамонт прошел своим старым следом к куче дров, первым делом поднял и отряхнул от снега волчий треух, натянул его на голову, затем взял топор и принялся разгребать лезвием снег. Рыл почти до земли, медленно продвигаясь по пути своего безумного вчерашнего движения к призрачному